

ГЛАВА 1

Она рухнула в кресло — уставшая, злая, с обгоревшей кожей, с разламывающейся головой — и бросила полный отчаяния взгляд на этюдник... Девять часов одиночества на необитаемом острове наедине со своим самым неудавшимся полотном — идиотским пейзажем с волжской природой, ярким и жестоким солнцем, бездушным высоким небом и едва видной полоской желтого поля с подсолнечником. Плюс теплая вода в пластиковой бутылке, теплые бутерброды с сыром, теплые помидоры и даже теплая соль. Она никогда не забудет этот пикник. Будет помнить о нем всю свою жизнь.

Это в ее квартире сейчас была благодать — работал кондиционер, да и за окном был приятный летний и уже нежаркий вечер. Рита слышала звуки шагов прогуливающих по центру города прохожих, шум проезжавших мимо ее дома машин и даже музыку, доносящуюся с площади, где выступали какие-то заезжие музыканты.

Надо было встать, дойти до холодильника, достать сметану и смазать воспалившуюся, красную, обожженную солнцем кожу. Но как Марк отнесется к тому, что от нее за версту будет пахнуть сметаной? Поднимет ее на смех? Вряд ли. Он вообще в последнее время редко смеется. И вид у него чрезвычайно серьезный, он постоянно о чем-то думает. И когда Рита видит его таким, а видит она его каждый вечер, ей хочется ему помочь и сделать что-то такое, скорее всего, невероятное, чтобы убийцы в этом городе перевелись, исчезли, вымерли как вид... Марк был следователем прокуратуры, и в сейфе его душевного кабинета хранились папки с материалами расследований убийств. Тяжелая и опасная, изнуряющая, по мнению Риты, работа.

— Марк, что я могу для тебя сделать, чтобы жизнь твоя не казалась такой уж невыносимо трудной?

— Люби меня, — отвечал Марк, и в такие минуты лицо его словно разглаживалось, а глаза, зеленые изумруды, начинали сверкать как-то особенно, и теплый их блеск заставлял Риту переживать самые приятные минуты своей жизни.

Сначала Марк был просто соседом, потом любовником, плавно переходящим в жениха, и вот теперь он был без ярлыка — просто

самый близкий человек, быть может, даже ближе хрестоматийного понятия «муж». Они жили на два дома, на две квартиры, но на одном этаже. Когда Марку необходимо было позаниматься, он сидел в своей квартире, в комнате, за письменным столом, обложившись книгами и бумагами, и Рита старалась его не беспокоить. Когда же он немного приходил в себя и превращался из загруженного работой следователя прокуратуры в Марка, он возвращался к Рите. Когда же работать приходилось ей, она спускалась в свою мастерскую, находящуюся на первом этаже ее огромной квартиры, надевала серую саржевую юбку вместо фартука, поднимала свои густые рыжие волосы к макушке, натягивала на тонкие холеные руки хирургические перчатки и принималась выдавливать на палитру густых ярких червяков масляной краски... Больше всего оба, и Марк, и Маргарита, ценили поздние вечера за чаем или вином, когда они принадлежали только друг другу и Марк обстоятельно рассказывал Рите ход очередного расследования, советовался с ней, и они вместе выстраивали план действия. Рита по мере сил и возможностей помогала Марку, встречалась с необходимыми людьми, чаще всего со свидетелями, словом, собирала материал для следствия. Научилась

даже фотографировать. «Марк, это же так просто — дави себе на кнопку, и все...» Иногда в ход шла видеокамера.

Позвонила мама, Ксения Илларионовна.

— Мама, — заплакала в трубку Рита. — Вот ты считаешь меня уже взрослой женщиной, способной адекватно реагировать на происходящее? Так вот. Это заблуждение. В жизни со мной все больше и больше случается ситуаций, когда я просто не знаю, как себя вести. Как реагировать на то, что со мной происходит.

— Риточка, милая, да что такое с тобой случилось, что ты даже плачешь? Ни за что не поверю, что тебя обидел Марк... Он не способен на такое...

— Нет, мама, Марк здесь ни при чем, — всхлипнула Рита. — Это моя подруга, Тамара Рындина, ты ее знаешь. Хотя даже она ни при чем... Но злюсь я почему-то на нее...

И она сбивчиво, прерываясь, чтобы высморгаться, рассказала о том, как ее бросили на необитаемом острове на весь день, практически без еды и воды.

— Понимаешь, мы с Марком так ждали этого дня, мне хотелось провести выходные на природе и попытаться все же написать

пейзаж. Ты же знаешь, с пейзажами у меня проблема, я всю свою жизнь пишу натюр-морты... Я подготовилась, взяла с собой все необходимое, этюдник, купальник... У нас с Марком было такое отличное настроение. Мы с нашими друзьями — Тамарой и Георгием — отправились на другую сторону Волги, где разбили что-то вроде лагеря... Но вид на Волгу открывался именно с того острова, куда нас потом отвезли на лодке, у Георгия лодка... Это недалеко от берега, мы отлично друг друга видели, но не слышали, не говоря уже о том, что переплыть залив в этом месте я бы, конечно, не рискнула даже на круге... Так вот, Марку в каком-то смысле даже повезло — за пару минут до того, как наша лодка должна была уже отплыть от берега в сторону острова, позвонили с работы, словом, вызвали на убийство... И ему пришлось на своей машине вернуться в город. А я осталась. Георгий отвез меня на остров одну. Сказал, что стоит мне только ему позвонить, как он тотчас же приедет за мной. Я должна была на острове, между прочим необитаемом, поработать над пейзажем, а они с Тамарой в это время приготовили бы обед — уху, шашлык... Я так радовалась...

Рита услышала звук отпираемой двери — пришел Марк.

— Мам, я тебе потом перезвоню... Нет, ничего страшного со мной не произошло, просто нервы сдали, и на солнце перегрелась... Обгорела... Все... Хорошо, я так и сде-лаю, сметана у меня есть...

Она поспешила в прихожую встречать Марка. Он появился на пороге такой бледный, городской, словно весь день просидел в кабинете. Ни намек на загар. Это просто бросалось в глаза. И если вчера он выглядел абсолютно так же и она не придавала этому значения, то сегодня, когда она сама себе напоминала вареного рака, ей было даже стыдно перед Марком за свою красноту. Он обнял ее, она едва сдержалась, чтобы не закричать. Плечи горели.

— Марк, — прошептала она, — осторожнее, я обгорела...

Марк включил свет и только сейчас заметил, в каком состоянии находится Маргарита.

— Милая, да ты просто сгорела... Немедленно доставай сметану, я тебя намажу... Ты вся горишь. Да у тебя температура! Как так случилось?

— Никак, — ей не хотелось выдавать своих друзей, у которых сломалась лодка, и они целый день бегали по берегу, извиняясь жестами перед ней, брошенной на острове, а Георгий усиленно ремонтировал лодку. Он по-

чинил ее лишь к вечеру. — Заработалась. Но пейзаж все равно не получился. Так, мазня какая-то. Вода, песок, лодки, кусты, ивы... Ерунда. Сам увидишь. Но только не сегодня, я уже не в состоянии снова видеть его...

И вдруг она поняла, что ждала Марка весь вечер, чтобы броситься к нему и пожаловаться на то, как ей плохо, как больно, как невыносимо. Еще она хотела спросить его, злиться ли ей по-прежнему на Тамару или же взять себя в руки и сделать вид, словно ничего не произошло. Она была уверена, что Марк знает ответы на все вопросы.

— Марк, — заскулила она, уткнувшись ему в плечо, — мне так плохо... Так больно... Я не успела ничего приготовить. Есть холодные котлеты...

— Ты ложись. Я ничего не хочу есть. Вот придешь немного в себя, я приготовлю салат, и мы с тобой поужинаем.

Он обращался с ней как с больной, и ей это было почему-то приятно. Он жалел ее, он хотел обмазать ее сметаной.

В спальне она легла на простыню на живот, вытянувшись, обнаженная, и напряглась в ожидании прикосновения ледяной сметаны.

— Да уж, плохи твои дела. Кожа слезет, ты сбросишь ее, как змея...

И Марк осторожным движением провел

куском густейшей, как масло, сметаны по плечу Риты. Она застонала.

— Терпи, казак, атаманом будешь...

— Ты на самом деле обмазываешь меня сметаной, а не льдом?

— Ты, даже обгоревшая, самая красивая, — Марк, склонившись, поцеловал ее щеку. — Но как же это могло случиться?

— Говорю же, заработалась...

— А как же крем для загара? Ты же собиралась неделю! Целую сумку приготовила разных шелковых шалей, шляп, кремов, юбок, я не знаю, что там еще было...

— Сумка на берегу осталась, — пожаловалась Рита и уже более спокойно и обстоятельно рассказала Марку о своем приключении.

Он даже присвистнул:

— Ничего себе! Лодка сломалась. Это я понимаю. Но могли бы нанять другую лодку, попросить, чтобы тебя привезли... Это значит, ты была там голодная, без воды...

— Тамара, видимо, перепутала и положила в лодку вместо моей свою сумку, в которой, к счастью, оказались бутерброды и бутылка с водой. Я сунула ее в воду, но все равно она была теплой, противной... Понимаешь, когда тебе позвонили, началась какая-то суета, все расстроились, они же привезли целое

ведро замаринованной свинины... Ну и закружились, вернее, это все я. И расстроилась, и закружилась. И взяла по ошибке не свою сумку...

— А если бы в сумке не оказалось еды?

— Я умерла бы с голоду. Или принялась бы есть коренья, щипала бы, как козочка, травку...

— Больше никогда не оставлю тебя одну...

Она закрыла глаза и расслабленно наслаждалась прикосновениями ласковых рук Марка. Боль и наслаждение, какое странное чувство.

— Все, Марк, спасибо, я уже вся в сметане, как поросенок. Меня осталось только сунуть в духовку. Ты иди поешь, а потом возвращайся сюда, расскажешь, что случилось, по какому делу тебя вызвали...

Звонок заставил ее вздрогнуть. Она слышала, как Марк открывает дверь, с кем-то здороваются. Кто бы это мог быть? Неужели это мама? Испугалась, что с дочкой что-то случилось, взяла такси и приехала? Надо будет ей, кстати, купить машину. Небольшую малолитражку, но элегантную, как она сама... Хотя она всегда говорила, что боится садиться за руль...

— Марк, я даже не знаю, захочет ли она меня видеть, — донеслось до Риты, и она с

неприятным каким-то чувством поняла, что это пришла Тамара. Извиняться.

Открылась дверь, и в спальню действительно вошла, шурша нежно-розовым красивым платьем, Тамара. Вид у нее был виноватый. Высокая яркая женщина сорока пяти лет с аккуратной стрижкой «каре». Смуглая, малиновые губы, синие глаза.

— Рита, дорогая, ну прости ты нас с Георгием... Мы уже и не знаем, как загладить свою вину... Арбуз привезли, огромный, он в прихожей... Корзину персиков... Я даже решила подарить тебе свои жемчужные бусы. Это настоящий жемчуг...

И она протянула нитку жемчуга. Рита, только сейчас осознавшая, что лежит перед Тамарой в чем мать родила, да к тому же еще с вывернутой неудобно головой, попыталась отказаться, даже замычала что-то протестующее.

— Бедняжка, как же ты обгорела... Бери бусы, иначе я буду думать, что ты злишься на нас. Но, поверь, кто бы мог подумать, что лодка сломается... К тому же повреждение было серьезным... Мы думали, что мотор, но потом все обошлось... И вообще, во всем виноват Георгий! Забыл в гараже весла!

— Да ладно, Тома, успокойся. Я бусы не возьму. Просто попозировешь мне тридцать

часов без отдыха, вот и все твое наказание...
Шучу...

— А что, отличная идея! Но только в обнаженном виде... Вот как ты сейчас лежишь, так и я хочу... Хотя не думаю, что мои телеса имеют столь же привлекательный вид, как твое нежное тело. Я понимаю Марка...

— Тома!

— Все. Молчу-молчу. Кстати, мы привезли и уху с шашлыком. Все в сумке. Ну, правда, Маргоша, не знаю уже, чем искупить свою вину.

— Можешь купить у меня пейзаж, — вяло предложила Рита. — За кругленькую сумму.

— Да за какую угодно! — обрадовалась Тамара уже более дельному, на ее взгляд, предложению. — Так ты не сердись на нас?

— Нет. Успокойся уже. Ты такая шумная...

— Тогда вставай. Сейчас выпьем винца за перемирие, Георгий поднимется, он же в машине, ждет, когда ты спустишь меня с лестницы, он сказал, что будет меня ловить... Он, между прочим, умеет так замечательно резать арбуз... У тебя будут аккуратные куски без косточек и корки. Так ты встанешь? Разрешаю тебе даже оставаться голой.

— Тамара, ты совсем с ума сошла...

— Признаться, я немного выпила. Что-то разнервничалась... Не знала, как ты меня

встретишь. А шашлык разогреем в микроволновке. Тебе подать что-нибудь, халат, к примеру?

— Принеси мой шелковый красный халат из ванной комнаты.

За столом Рита почувствовала себя лучше. Марк намочил полотенце и заставил ее держать его на лбу. Тамара хозяйничала на кухне, разогрела шашлык и внесла его в гостиную на большом красивом блюде.

— Что это за тарелка? — удивилась Рита. — У меня такой не было...

— Да вот шла, на улице нашла, отмыла, — засмеялась возбужденная Тамара. — Вообще-то, это коллекционный фарфор. Это тоже тебе подарок. А бусы ты все-таки возьми. Я не могу забрать их назад, решено: жемчуг — твой.

— Но блюдо необыкновенной красоты... Голубые незабудки... Все лепное, роскошное... Тамара, я за такое блюдо готова торчать на острове еще один день...

— Она перегрелась, — извинился за Риту Марк. — Сама не знает, что говорит. Недавно еще лежала без признаков жизни, а как какую-то тарелку увидела, так ожила... Вы, женщины, удивительные существа.

Георгий, молчаливый, но очень милый улыбчивый человек, постоянно кивал голо-

вой, подливал всем вина и охотно ухаживал даже за Марком. Рита чувствовала, что ему по душе дружба с ними, что он рад, что они прощены и что в будущем их ожидают новые встречи, вечерние карты, совместные ужины...

Георгий владел сетью компьютерных магазинов и успел за несколько лет сколотить неплохое состояние. Помимо квартиры в центре города, Рындины построили дом на берегу Волги, даже не дом, а настоящий замок. Рита знала Тамару давно, они стали приятельницами в больнице, в хирургии, где Рита лежала с аппендицитом, а Тамара — с гландами, а вот с Георгием познакомилась весной, когда они оба приехали к ней купить натюрморт — в подарок друзьям. Еще тогда этот крупный непоседливый лысоватый мужчина с нежным лицом ребенка вызвал в ней чувство жалости к нему: ей казалось, что все то, чего он успел достичь в своей жизни, произошло случайно и что теперь ему следует быть осторожным, чтобы нажитое не потерять. Однажды она даже не выдержала и спросила Тамару, как можно быть патроном с таким добрым и милым лицом, на что Тамара лишь выразительно подняла брови кверху, мол, внешность обманчива. Рита подумала тогда еще, что если бы Тамаре захотелось расска-

зять про своего мужа что-то негативное, что можно доверить лишь близкой подруге, то она непременно сделала бы это. Но, поскольку этого не произошло и ожидаемого рассказа о двойном дне ее мужа не последовало, Рита сделала вывод, что ее подруга вполне довольна своим мужем (что встречается, по мнению Риты, довольно редко). Единственно, что омрачало внешне вполне благополучную жизнь Тамары, — это отсутствие детей. Тамара отщучивалась: «Представляешь, тогда, в больнице, где мы с тобой лежали, мне вместе с гландами удалили и матку».

Красный шелковый халат, пропитанный сметаной, пришлось сунуть в стиральную машину. Марк убирал со стола после ухода гостей. В квартире стало тихо. Рита стояла в ванной перед зеркалом и, рассматривая себя, думала, как ей лучше сегодня спать — на животе или спине. «У Марка спрошу», — решила она, считая, что ей крупно повезло, раз у нее есть мужчина, который знает ответы на все вопросы и который считает за счастье вникать в ее жизнь. Она была противницей мнения большинства женщин, которые считали, что мужчину следует держать на расстоянии и не позволять ему входить в их

жизнь настолько глубоко, чтобы разрешать им советовать, какой свитер лучше надеть, какими духами надушиться. Марку было дело до всего, что только имело отношение к Рите, и она была счастлива этим. Он был равнодушен к ней, он любил ее, это ли не счастье?

— Марк, — крикнула она из ванной, — не знаю, на спине мне спать или на животе!..

— На мне, — ответил он ей так же просто, как если бы она спросила его, посолить картошку или нет.

— Понимаю. Это ответ настоящего мужчины.

Она вышла к нему голенькая, блестящая от сметаны, и спросила, что за дело было, по которому его срочно вызвали на работу.

— Вот сейчас лед достану, сядем, выпьем немного вина, и я тебе расскажу...

На столе появились высокие бокалы, бутылка вина, резиновая мягкая коробка со льдом в виде шариков. Эту штуку ей привезли из Португалии, и ей нравилось заполнять ее вишневым соком. Шарики получались ярко-красными, вкусными.

— Убийство?

— Убийство. Но никакой интриги. Молодая женщина с двумя маленькими детьми. Муж, точнее даже сожитель, но отец этих де-

тей. Пил, бил. Обычная бытовая драма, закончившаяся трагедией. Я видел ее. Представь себе, она — дистрофик. Худая, как скелет, бледная, как смерть. Не представляю, откуда у нее взялось столько сил. Но она нанесла ему шесть ударов ножом в спину. Вероятно, использовала момент, когда он стоял к ней спиной. Представляешь, как же она ненавидела его, раз нашла в себе силы для таких ударов... Вся прихожая в крови. Все вокруг забрызгано кровью. Словно поросенка резали. Даже лицо этой женщины в крови. А дети в это время спали. Была глубокая ночь. Она убила сожителя и вызвала милицию. Сама во всем призналась. Вот и вся, собственно говоря, история.

— Представляю, сколько же ей, бедняжке, пришлось вынести...

— Кто-то спрашивал у меня, как лучше устроиться на кровати. — Марк осторожно приобнял ее и прижал к себе.

— Ну да.

— Пойдем, я тебе покажу...

ГЛАВА 2

Она крепко спала, когда услышала телефонный звонок. Мама? Сестра Наташа? Больше звонить было некому в столь поздний час.

Рита набросила на плечи халат и пошла на звук: свой телефон она оставила в сумочке в гостиной. На зеленоватом дисплее высветилось имя: «Вероника». Удивительное дело. Вероника. Они не виделись почти полгода. Школьная подруга, близкий ей человек, но жизнь распорядилась сталкивать их друг с другом крайне редко. Последний раз они встречались на дне рождения еще одной школьной подруги, такая теплая была компания. Все знакомы со школьных лет, есть о чем поговорить, что вспомнить, что рассказать. Ели много сладкого, пили шампанское. Совершенно невинное мероприятие, но Марк приревновал ее к тем нескольким часам, что она провела в обществе незнакомых ему людей. Марк — собственник. Рита мысленно послала Марку поцелуй. Открыла телефон.

— Вероника? Слушаю тебя...

Взволнованный голос прошептал в трубку:

— Я у тебя, на лестнице. Можно войти?

Рита подошла и распахнула дверь. Вероника стояла на пороге. В летнем открытом платье, к груди прижимала белую, расшитую красными цветами сумку.

— Ты одна?

— Нет, ты же знаешь...

— Да, да, знаю... Но мне просто некуда пойти. Не хочу, чтобы кто-то из моих знако-

мых знал, как я влипла. Мне так стыдно, Рита, так стыдно...

— Да заходи же ты! — Рита взяла ее за руку и втянула в переднюю. — Ты вся холодная... Пойдем в кухню, и там мне все расскажешь. Если понадобится, останешься у меня на сколько хочешь... На тебе лица нет... Кто-нибудь умер?

Она знала, что Вероника много лет живет одна. Что в личной жизни ей не повезло с самого начала, когда она вышла замуж за Сергея Волкова. Совершенно бессмысленный брак. Хотя Вероника всегда говорила, что она любила мужа. Но как можно было любить мужчину, который три года сидел у нее на шее, не считая нескольких попыток заработать на обналичивании денег... Пиво, телевизор, связи на стороне. У Риты было устойчивое мнение на этот счет — Волкова она всегда презирала... Как презирала и своего зятя, мужа родной сестры Наталии, Михаила Генса, который умер в прошлом году (его смерть попахивала криминалом с самого начала — Генс отравился минеральной водой, в которую был подмешан яд, и лишь благодаря Марку, расследовавшему это дело, выяснилось, что Миша отравился сам, узнав о своей смертельной болезни).

Вероника рассталась со своим мужем не-

ожиданно для всех и сразу же уехала в Петербург. Связь с подругой была прервана. И лишь недавно она вернулась обратно, устроилась преподавателем истории в школу и зажила размеренной, спокойной жизнью. И вот теперь этот визит. Чтобы Вероника заявила в такой час — должно было случиться нечто из ряда вон...

— Кофе? Чай? Водку?

— Ничего, — Вероника вся дрожала. — Рита, я понимаю, что так поступать нельзя, что я пришла к тебе ночью, разбудила... Но я не могу вернуться домой. Да мне спать негде!

— Что случилось? Ты успокойся, выпей хотя бы воды... Почему ты не можешь вернуться домой?

— Да потому, что там... — Вероника махнула в сторону окна, — там, дома, — он... Думаю, что он все понял, знал с самого начала, но я-то нет, я никогда не видела его прежде... Рита, он не должен находиться в моем доме, это противоестественно... Но я боюсь его. Я не знаю, чего он от меня хочет.

— Кто он?

— Его зовут Михаил Борисович. Фамилия Рубин. Больше пока ничего сказать не могу, потому что мне ужасно стыдно... Это старая и грязная история. Но он не имеет права находиться в моем доме! Я боюсь даже

оставаться с ним наедине. Я хочу, чтобы он ушел, но как это сделать — не знаю... Ты не могла бы поехать со мной и попросить его покинуть мой дом?

— Вероника, ты меня совсем запутала. Это кто — вор, бандит? Тогда почему ты не вызвала милицию?

— Он хуже, чем бандит. Но все потом, потом... Очень прошу — помоги мне избавиться от него...

— Может, разбудить Марка?

— Я не сплю.

Марк стоял в дверях в халате, скрестив руки на груди.

— В чем дело? Что-нибудь случилось? Я случайно услышал конец разговора.

Вероника резко обернулась и, увидев Марка, закрыла лицо руками.

— Помогите мне избавиться от него, — повторила она, не отнимая ладоней от лица. — И, пожалуйста, ни о чем не спрашивайте...

— Хорошо, поедem. Я только оденусь. И ты, Рита, надень что-нибудь потеплее, ночью холодно... И подруге своей дай кофту, она же вся дрожит.

Рита кивнула с благодарностью за проявленную заботу. Она обожала Марка. Ей было приятно, что он подумал даже о Веронике.

...Город казался синим в этот ночной час. Синие дома, синие улицы, даже светофоры с бесстрастно мигающими желтыми глазами казались синеватыми. Ехали молча, быстро. Добрались до набережной за двадцать минут. Остановились возле дома старой постройки, завернули во двор.

— Наша машина, глянь, — сказал Марк, взглядом указывая на стоявшую возле крыльца дома черную машину прокурора. — Что-то мне это не нравится... Вероника, что у вас тут произошло? Я должен быть в курсе.

— Хорошо, я скажу. Там, в моей квартире, один мой знакомый. Он не здешний. Москвич. Я познакомилась с ним давно, у нас был роман, но... платонический... Сегодня я позволила ему остаться здесь, у меня дома... на ночь... Но потом поняла, — она с трудом подбирала слова, — что я совершила ошибку, что он не должен был приходить ко мне... И вот, пока он был в ванной, я сбежала. Взяла такси и приехала к вам. Это все.

— Он вас обидел?

— Нет. Я не могу больше ничего сказать. Ни при каких обстоятельствах. Это слишком личное.

Все произошло так быстро, что Рита пришла в себя уже после того, как Веронику увезли. В ее квартире был обнаружен труп

мужчины. Он был убит выстрелом в живот. Помимо документов, удостоверяющих личность (убитого звали Михаилом Борисовичем Рубиным, он был жителем Москвы), в кейсе столичного гостя лежали подписанные накануне договоры на поставку в Москву крупной партии стекла. Вот только денег и ценностей в квартире не оказалось — судя по царившему беспорядку, там после убийства кто-то успел побывать. Во всяком случае, так сказал Марк уже в машине, обращаясь к потрясенной Рите.

— Марк, куда мы едем? Ведь Вероника приехала ко мне за помощью, а мы, получается, сдали ее прямо в руки прокуратуры... С чего вы все взяли, что она убила этого мужика?

— Она пока еще только подозреваемая, — сухо прокомментировал последние события Марк. Рита видела, что и у него настроение испортилось, — от романтического расположения духа, в котором он пребывал до появления Вероники, не осталось ни следа.

— Как-то нехорошо все получилось... Марк, пообещай мне, что сможешь мне, вернее Веронике. Она же моя подруга...

— Я сделаю что смогу, — бросил Марк, прибавляя скорость. — Но и ты не верь никому на слово, в том числе и своей Веронике.

Вспомни, в каком состоянии она к тебе приехала, ты видела ее глаза — совершенно безумные... Как ни печально, но я предполагаю самое худшее — это она убила Рубина, испугалась и приехала к тебе за помощью. Уверен, что она знала, кто твой самый близкий друг...

— Конечно, она знает, что ты — следователь прокуратуры... Но не хочешь же ты сказать, что она приехала ко мне только из-за тебя?

— Посмотрим. Но ты согласна со мной, что она была не в себе?

— Согласна. Я ее никогда такой не видела.

— То-то и оно.

— Скажи, Марк, тебе не надоели все эти убийства... Приходишь домой, а ночью кто-то вламывается в твой сон, в твоё спокойствие, в твою личную жизнь, наконец... Знаешь, я сама представила сейчас, что работаю в прокуратуре... тебе не позавидуешь... А потом еще все знакомые, друзья, которые влипают в криминальные истории... И тебе приходится помогать.

— Скажи спасибо, что я не адвокат — вот тогда бы я точно ничего не заработал: постоянно защищал бы всех знакомых и родственников. Обычная история.

— Она произнесла такую фразу, — вдруг

задумчиво проговорила Рита, у которой из головы не выходила Вероника и ее странная история. — «Он не имеет права находиться в моем доме». Что это значит?

— Да все, что угодно. Может, он когда-то пытался отнять у нее по суду квартиру или что-то в этом духе, имеющее отношение к квартире. Или совершил что-то такое, о чем она не может никому рассказать. Что-то личное. Или, наоборот, связанное с деньгами.

— Так ты устрой мне встречу с ней, я поговорю, может, что-то выяснится... Ты же слышал, она говорила об этом мужчине, что не может ничего рассказать... Тем более следователю.

— Конечно, устрой. Во всяком случае, постараюсь...

— Марк, ты же не думаешь, что моя подруга — убийца?

— Рита, мы только что обсуждали это. Я вполне допускаю, что это она.

— А я — нет!

— Может, он когда-то изнасиловал ее? — неожиданно предположил Марк. Машина уже въехала во двор и остановилась возле крыльца.

— Но у них же был роман! Она что, не видела, с кем закрутила любовь? Кого пригласила в дом?

— Тоже правильно. А дети у нее есть?

— Нет, и, я думаю, уже не будет. Она — человек основательный, для нее ребенок — колоссальная ответственность. Так, во всяком случае, она мне говорила. Но кто же этот мужчина? Этот Рубин?

Только дома она вспомнила, что кожа ее пропитана сметаной. Спросила Марка, принять душ или нет.

— Ни в коем случае. Мне нравится, когда от тебя пахнет сметаной. Ложись давай спать. Еще только четыре часа.

— Надо бы запомнить, когда она к нам пришла...

— В три часа десять минут — я посмотрел на часы перед тем, как пойти к вам в кухню.

— А когда совершено убийство?

— Точно сказать пока не могу, подождем, что скажут эксперты.

— А если окажется, что этого Рубина убили как раз в тот момент, когда Вероника была у нас, ее отпустят?

— Думаю, да. Что-то есть хочется.

— А у меня аппетит пропал...

— Только шашлык не предлагай. Все-таки это специфическая еда, и ее надо есть на природе, в горячем виде. Да и вообще, эта